

Ци У сердито сказал:

— Этот чертов А Вэнь, будто с ума сошел! Целые дни пропадает в уездной управе, домой не показывается. Вчера вернулся, не пробыл и полдня, и снова ушел!

— Хе-хе, — на лице Чжао Эра, обычно печальном, появилась редкая улыбка. — Не будь слишком строг к нему. А Вэнь по характеру спокоен и сдержан, он вряд ли допустит ошибку. Может, какая-то городская девчонка приглянулась, вот он и задержался в городе.

— Ладно, — буркнул Ци У. — Хорошо, что в последнее время сам справляюсь с делами, а то бы я его прибил!

Чжао Эр с укором засмеялся:

— Своих братьев бить нельзя. Да и сегодня тебе не стоит ходить на могилы родителей.

Атмосфера наконец разрядилась, напряжение спало. Увидев, что уже близится полдень, Ци У обратился к обоим:

— Дядя Чжао, Юэлянь, оставайтесь у нас на обед.

Чжао Эр еще не успел ответить, как Юэлянь уже воскликнула:

— Хорошо, хорошо! Всё равно домой возвращаться уже поздно.

Чжао Эр смирился, погладил подбородок с редкой щетиной и молча согласился.

Юэлянь хлопнула в ладоши и с кокетливой улыбкой сказала:

— Тогда я пойду готовить!

Ци У остановил её:

— Юэлянь, как можно позволить тебе готовить? Сиди, я сам всё сделаю.

Девушка прикрыла рот рукой и засмеялась:

— Я ведь так редко бываю у вас, как же я могу лишиться брата Ци У возможности попробовать мою стряпню?

Чжао Эр, глядя на дочь, уже понял, что у неё на уме. В последнее время Юэлянь не раз расспрашивала его о Ци У и всячески старалась найти повод заглянуть в дом Ци. Хотя ему и было неловко самому заговорить о сватовстве, но если бы Ци У тоже проявил интерес к его дочери, это было бы большой удачей.

Для Чжао Эра найти такого зятя, как Ци У, было бы настоящим счастьем.

Однако вспомнив о дурной славе Юэлянь, он снова опустил голову. То и дело он терялся в сомнениях и лишь качал головой.

На кухне Юэлянь засучила рукава, взяла свежие листья батата, вымыла их в ведре и нарезала. Раздавлив два луковицы, она, пока Ци У разогревал сковороду, добавила немного свиного жира. Когда масло достаточно нагрелось, она обжарила лук до аромата, затем добавила свежие листья батата, быстро обжарила их, приправила ферментированными бобами и солью, и блюдо

было готово.

На плите уже стояли приготовленные ранее свинина в соусе, уха и маринованные побеги бамбука. Вместе с этим блюдом из батата обед для обычной семьи в деревне Хуши можно было считать богатым.

Ци У вышел во двор, позвал А Чана, который увлеченно играл, и все четверо сели за стол в главной комнате.

Ци У быстро уплетал, жадно глотая. Юэлянь положила ему кусок свинины в чашку и с удовольствием сказала:

— Ешь потише, не подавись. Даже если моё блюдо тебе нравится, не стоит есть так быстро.

Ци У, с полным ртом проса, пробормотал:

— Мой названный брат еще голоден, мне нужно поскорее закончить и приготовить ему еду.

Юэлянь нахмурилась, её настроение испортилось. Этот незнакомый парень из поместья Су действительно раздражал. Непонятно, зачем Ци У держит дома этого болезненного человека, который даже работать не может. Просто трата еды.

Чжао Эр спросил:

— Это тот, кого ты недавно взял в семью? Говорят, он нездоров. Как он сейчас?

А Чан ответил первым:

— Сноха в последнее время может вставать с постели, но здоровье все еще плохое, ему приходится часто лежать.

Услышав слово «сноха», Юэлянь еще больше расстроилась и с раздражением сказала А Чану:

— Сноха — это звание просто так не носят. У этого названного брата... нет официальной свадьбы.

Ци У, смутившись, почесал голову:

— Да, в прошлый раз всё вышло слишком поспешно...

Чжао Эр с беспокойством сказал:

— А У, хоть названный брат и почитается как жена, но послушай совета старшего: мужчин трудно удержать. Не трать на него слишком много сил. Было у меня такое: вырастил, а он ушел, и неизвестно, вспоминает ли он меня хоть немного. Я отдал половину своего состояния, но не получил ни капли благодарности. Эх, эти названные братья — самые неблагодарные...

Ци У хотел было заступиться за Су Лина, но, увидев печальное выражение лица второго дяди Чжао, решил не продолжать. Закончив последний кусок, он напомнил Чжао Эру о чем-то и отправился на кухню готовить.

Юэлянь с презрением посмотрела в сторону двери спальни.

Су Лин испытывал сильную жажду, голова раскалывалась, и казалось, будто кто-то стучит

МОЛОТОЧКОМ В ВИСКИ.

Он понимал, что снова долго болел, но не знал, сколько дней провел в бесспамятстве.

В эти дни в полубреду он смутно видел, как в комнату входил и выходил тот грубый мужчина, а также образы прошлых любовников, смешанные с воспоминаниями из прошлой жизни. Су Лин чувствовал, что вот-вот умрет, и это вызывало в нем смесь радости и растерянности.

Умереть вот так — почему-то казалось одиноким.

Самое страшное и пугающее одиночество.

В бреду он слышал, как кто-то шепчет что-то, мешая ему обрести покой.

«Перестань», — хотел сказать Су Лин тому человеку.

Но шепот не прекращался, и хотя он был назойливым, страх постепенно отступал.

Прошло еще какое-то время, и Су Лин снова пришел в себя.

Перед ним была та же самая знакомая и пугающая деревянная кровать.

«М-м...»

Облокотившись на изголовье, Су Лин понял, что горло болит настолько, что он не может говорить. Голова раскальвалась, а жажда становилась невыносимой. Он с трудом сел, собираясь встать и попить воды, но едва ступни коснулись пола, как голова закружилась, и он рухнул на землю.

Дверь спальни мгновенно распахнулась, и внутрь ворвался взволнованный человек:

— Малышка!

Су Лин сжался. Это был он.

Ци У, увидев Су Лина босым и испуганно лежащим на полу, почувствовал острую боль в сердце. Он поспешно поставил миску с лекарственной кашей, бросился к нему и поднял его, уложив обратно на кровать.

— Почему ты не позвал меня?

Ци У осмотрел тело Су Лина, убедившись, что нет царапин, и успокоился. В последние дни он заметил, что здоровье названного брата постепенно улучшается. Хотя тот все еще не мог встать с постели, цвет лица стал лучше, и Ци У, работая в поле, чувствовал прилив сил, а настроение его стало светлее.

— Что ты собирался делать?

Су Лин не решался встретиться с ним взглядом, но жажда была слишком сильной. Он указал пальцем на кувшин с водой на сосновом шкафу и, испуганно и заискивающе посмотрев на Ци У, прошептал:

— Вода...

Ци У тут же налил чашку воды и, поддерживая Су Лина, помог ему выпить. Су Лин закашлялся, слишком жадно глотая воду.

Ци У покачал головой:

— Ты даже воду выпить нормально не можешь.

Су Лин снова сжался.

Увидев, как жалко выглядит человек на кровати, Ци У мгновенно смягчился и захотел обнять его.

В этот момент дверь скрипнула, и вошел А Чан с деревянным мечом. Увидев, что Су Лин проснулся и сидит на кровати, он обрадовался и, не обращая внимания на грязные ноги, взобрался на кровать:

— Сноха, ты проснулся!

Искренняя радость А Чана тронула Су Лина, и он слабо улыбнулся.

Ци У, увидев грязное лицо А Чана, тут же схватил его за воротник, прежде чем тот успел встать на постель:

— Эй, болван, где твои туфли?

А Чан вытащил из-за пазухи матерчатые туфли, бережно держа их:

— На улице дождь, я боялся, что они промокнут, поэтому спрятал.

В деревне, где все жили в бедности, едва сводя концы с концами, обувь была роскошью. Хотя семья Ци У считалась одной из более обеспеченных в деревне Хуши, матерчатые туфли А Чана были редким явлением. Большинство деревенских детей бегали босиком, независимо от погоды. Сам Ци У носил плетеные сандалии из мягкой лозы. Он любил младшего брата и в прошлом году на ярмарке купил ему матерчатые туфли, которые А Чан берег как зеницу ока. В плохую погоду он предпочитал спрятать их, лишь бы не испачкать.

Ци У с грустью вздохнул:

— На улице холодно, надень их. Если износятся, я куплю новые. Иначе на ногах появятся обморожения, и тогда тебе будет плохо.

Услышав это, Су Лин краем глаза взглянул на свои матерчатые туфли, которые были из тонкой ткани с вышивкой. В его сердце поднялась странная смесь чувств.

Ци У выпроводил А Чана из комнаты, чтобы тот вымыл ноги и надел обувь. Оглянувшись, он заметил, что названный брат смотрит на свои босые ноги. Ци У тоже взглянул на них.